

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЫЦАРСКОГО СТАТУСА АДРЕСАТА СТИХОТВОРЕНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, КАК ДНИ ПРОХОДЯТ...»

В статье представлено прочтение самобытности концепта «рыцарство» в смысловой структуре цветаевского поэтического текста «Хочешь знать, как дни проходят...». Внимание сосредоточено на факторах концептуализации образа адресата стихотворения «С. Э.» – супруга Марины Цветаевой Сергея Эфрона. Помимо биографического контекста выявлены подтекстовые уровни, интертекстуальные отсылки, диалог со средневековым представлением о рыцарстве. Проанализировано как биографические аспекты, авторский миф поэтессы, а также различные культурные, интертекстуальные и символические пласты влияют на экспликацию цветаевских кодов в данном стихотворении.

Ключевые слова: концепт; рыцарство; интертекстуальность; символика; авторский миф; Сергей Эфрон.

Актуальность исследования объясняется интересом современных литературоведов к проблемам концепта и интертекстуальности. В 1910-е годы концепт «рыцарство» составляет ядро лирической системы М. Цветаевой. При этом цветаевская лирика, обращённая к С. Эфрону, представляется интересной также в аспекте изучения интертекстуальных связей как составляющих концепта.

Цель – изучение интертекстуальных пластов как способов концептуализации в стихотворении М. Цветаевой «Хочешь знать, как дни проходят...» в соответствии с авторским мифом поэтессы 1910-х годов.

В творчестве М. Цветаевой довольно значительная часть лирики посвящена Сергею Эфрону. А образ мужа занимает важное место в авторском мифе поэтессы. По мысли С. Фокиной, «обыгрывание рыцарской доблести наиболее частотно соотносится с темой Сергея Эфрона <...> Рыцарь предстает в ипостасях юноши, воина, ангела-хранителя» [13, с. 317]. Авторский миф Цветаевой об Эфроне неизменно связан с концептом «рыцарство» и рыцарской тематикой в целом. Интерпретируя концепт «рыцарство», М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне.

Концепт, включая в себя различные пласты, неизменно связан с интертекстуальностью. По мнению Ю. Степанова, «интертексты – форма существования культурных концептов» [9, с. 81]. Опираясь на идею ученого о взаимосвязи понятий концепт и интертекстуальность, в рамках статьи выдвинута гипотеза о

важности интертекстуальных отсылок как одного из слов семантического поля концепта.

Исходя из двух терминологических полюсов концепта, его доминантами является то, что это «некий отдельный смысл, некая идея, имеющаяся у нас в сознании» [4, с. 316] и «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [8, с. 43]. Концепт как ментальная единица опирается на знания личности и вместе с тем обусловлен культурой.

Идеи, отвечающие предложенной гипотезе о взаимосвязи концепта и интертекстуальности, находят так или иначе подтверждение в работах М. Бахтина, Ю. Кристевой, Н. Фатеевой и Н. Пьеге-Гро, Н. Хренова.

Согласно Ю. Кристевой, интертекстуальность соответствует диалогизму, актуализируя смену приоритетов, при которой «понятие "личность-субъект письма" затушевывается, чтобы уступить место другому, а именно "амбивалентности письма"» [3, с. 77]. Исторический слой концепта потенциально задаёт интертекстуальные отсылки. Культуролог Н. Хренов, представляя свою рецепцию идей М. Бахтина, выделял в их системе иное понимание интертекстуальности, чем у Ю. Кристевой. С точки зрения Н. Хренова, у М. Бахтина «своя концепция интертекстуальности, не сводимая к отдельным и конкретным произведениям, а фиксирующая актуализацию в том или ином произведении последних столетий целых культурных традиций, будет ли это традиция античности или средних веков» [15, с. 352]. Следовательно, интертекстуальность предстаёт как отсылка к комплексу культурных

традиций с обыгрыванием соответствующей тематики и ценностной системы. Это подтверждает смысловую преемственность понятий интертекстуальность и концепт. Исследовательница Н. Пьеге-Гро считает, что «интертекстуальность <...> – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [6, с. 48]. Интертекстуальность является тем механизмом, сохраняющим и изменяющим как «литературную память», так и культурные пласты.

Показательным является мнение Н. Фатеевой, утверждающей, что для читателя интертекстуальность – это «установка на (1) более углубленное понимание текста или (2) разрешение непонимания текста (текстовых аномалий) за счет установления многомерных связей с другими текстами» [11, с. 16]. Неисчерпаемость интерпретаций, актуализируя отсылки к другим текстам, может быть скорректирована, если расценивать её как взаимодействие с историческим слоем концепта, открывающим культурный комплекс. Интертекстуальность открывает новые горизонты знаний и обеспечивает декодирование смыслов в тексте, способствуя тем самым пониманию и осмыслению концепта.

В свете отмеченного выше подтверждается наша гипотеза о том, что интертекстуальность дополняет семантическое поле концепта и способствует актуализации как широкого литературного контекста, так и обыгрыванию семиосферы определённой культурной эпохи. Возникающий диалог сводит воедино культурные пласты, литературные аллюзии, авторский замысел и авторское мировидение.

Стихотворение «Хочешь знать, как дни проходят...», написанное в ноябре 1919 года, входит в книгу стихов «Лебединый стан». Именно тексты, входящие в её состав можно рассматривать в качестве доминант авторского мифа М. Цветаевой 1910-х годов об Эфроне, изображенного в образе рыцаря. Название книги стихов имеет несколько пластов значений. Одно из них символическое: «Лебедь – С. Эфрон, благородный воин, добровольно вступивший на путь борьбы» [5, с. 151]. Другое значение – «летописное»: в «Лебединый стан» входят четыре цикла и 50 стихотворений, «тематика которых – путь Белой гвардии и крушение Старого мира» [12, с. 32]. Данная книга стихов содержит отклик на исторические события того времени, отражая особенности цветаевского мироощущения.

Стихотворение «Хочешь знать, как дни проходят...» прямо обращено к Сергею Эфрону, что подтверждает фактор посвящения «С. Э.».

*Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилюю водям,
Сердце – имя говорит.*

*Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилюю.*

*И чуют, чуют пилюю
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлюю
Богородица-Метель.*

В рамках поэтического текста ряд биографических и исторических фактов мифологизируются М. Цветаевой, что способствует созданию семантического поля, соотносимого с концептом «рыцарство». Дискурс лирической героини задаёт тон исповедальности. Характерно, что топоним, с которым лирическая героиня связана, обозначен как «страна обид». В одном из писем М. Цветаева писала: «У меня большое горе: умерла в приюте Ирина... И в этом виновата я. Я так была занята Алиной болезнью и так боялась ехать в приют, что понадеялась на судьбу...» [1, Т. 6, с. 153]. Тяжесть потрясения, чувство вины перед младшей дочерью, порождает внутреннюю необходимость исповеди. Но в данном случае это особый исповедальный дискурс, так как лирическое стихотворение обращено к человеку, который в сознании поэтессы соотносится с представлениями о рыцарстве и вместе с тем также тяжело переживает смерть дочери.

Кроме исповедального характера стихотворение представляет своего рода хронику жизни. В записях Цветаевой можно найти, как она описывает свой день в то время: «Мой день: встаю – холод – лужи – пыль от пыли – ведра – кувшины – тряпки – везде детские платья и рубашки. Пилюю. Топлю» [1, Т. 6, с. 87]. Биографический фактор отсутствия супруга из-за участия в гражданской войне делает его сопричастным к рыцарству. Так адресат данного стихотворения уподобляется странствующему рыцарю, преодолевающему преграды и соблазны в пути к высшему идеалу, приближение к которому соотносилось с представлениями об обретении внутреннего совершенства. В цветаевской интерпретации Эфрон отправился на фронт в попытке обрести что-то потерянное, а главное, с целью защитить прежний мир.

В семиосфере рыцарской культуры «отличительной чертой было чувство братства» [7, с. 446]. Братство в данной системе становится эмблематикой пути достижения морального совершенства, ведь, по замечанию Й. Хейзенги, «рыцарский идеал, устремленный к благородному образу человеческого совершенства, родственного греческой калокагатии» [14, с. 129]. Именно идея братства оказывается наиболее мифогенной для цветаевской рецепции концепта «рыцарство». Поэтесса осмысляет свои реальные взаимоотношения с мужем через показатели рыцарского кодекса, мифологизируя биографический аспект и варьируя смысловые аспекты самопожертвования и героизма.

Учитывая, название книги стихов и то, что в биографическом плане речь идёт именно об С. Эфроне, можно сопоставить адресата стихотворения с рыцарем лебедя. М. Цветаева писала: «Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь... Ангел, Воин, Сережа – любимый – тоска по нему, страх за него сплетаются с тоской и страхом за Россию, за Белое дело» [16, с. 326]. В культуре, что наследуется и цветаевской концептосферой, лебедь – символ благородства, морального совершенства и чистоты. Но для семиосферы пласта средневековой культуры связанного с системой знаков и представлений о рыцарстве образ лебедя помимо ряда символических значений, еще и эмблема сюжета о Лоэнгрине. Герой многих рыцарс-

ких романов Лознгрин, «принявший имя "Рыцарь лебеда" подчеркивает свою анонимность и псевдонимность одновременно» [14, с. 686]. Для М. Цветаевой интертекстуальная отсылка к вариациям лознгриновского сюжета маркировано иначе, а именно интересом к одноименной опере Р. Вагнера.

Авторский миф М. Цветаевой модифицировал образ ее реального супруга Сергея Эфрона, не только концептуализировав его как рыцаря, но и прочно связав со смысловым полем концепта «рыцарство». В цветаевской лирике 1910-х годов, обращенной к С. Эфрону, он неизменно предстает благородным, смиренным, самоотверженным, а также подобно Лознгрину недостижимым для лирической героини.

Существуют различные мнения о том, почему С. Эфрон ушёл на фронт. Некоторые ученые утверждают, что «это не только гражданский поступок, но и бегство от провинившейся супруги, причинившей ему страдание» [2, с. 41]. В этом ключе М. Цветаевой обыгрывается притча о блудном сыне, но при этом меняются гендерные роли. В роли блудного сына предстаёт лирическая героиня.

В цветаевском лирическом послании, адресованном С. Э. можно прочесть коды покояния и раскаяния. Для поэтессы, видимо, воссоздание тяжелых будней лирической героини, явно синонимичной ей самой, интерпретируется как возможность искупления вины горем, потерями и тяжелой работой.

При этом, обнаружить скрытую отсылку к Г. Гейне, столь любимого и чтимого поэтессой. ИмPLICITно введенный в текст мотив неверности тематически сближает стихотворения Г. Гейне и М. Цветаевой. По мнению С. Фокиной, в поэтическом мире М. Цветаевой «верность женщины-поэта рыцарю выражается в воспевании его, в стремлении служения ему и зачастую покаянии перед ним» [13, с. 317]. Именно мотив греховность позволяет соотнести образ с образом героини стихотворения Г. Гейне «Раненый рыцарь». Рыцаря в этом стихотворении предала любимая, тем самым глубоко ранив его:

*Мне повесть старинная снится,
Печальна она и грустна:
Любовью измучен рыцарь,
А милая не верна.*

Скрытое покаяние в неверности и желание вернуть возлюбленного, что составляет одну из доминант авторского мифа М. Цветаевой тех лет. В данном

контексте стихотворение М. Цветаевой, обращенное к С. Эфрону, прочитывается как своего рода ответ на гейневский поэтический текст. В подтексте лирического послания М. Цветаевой явлено раскаяние и принятие наказания за греховность.

Руки лирической героини не могут писать, ибо они заняты непосильной работой. Кроме того, её руки выступают и аналогом крыльев. Крылья как знак воодушевления, возможности воспарения и поэтического дарования в авторском мифе М. Цветаевой. Упоминаемая метла, как «скромная принадлежность домашнего обихода наделялась значительной магической силой» [10, с. 102]. Видимо, метла оказывается волшебным помощником и выступает как средство, которое будто «выметает» грехи.

Значимым оказывается и образ Богородицы-Метели («И метёт, метёт метлою / Богородица-Метель»). С точки зрения В. Масловой для цветаевской концептосферы «кружение, метель – это предчувствие беды, трагедии» [5, с. 175]. Процесс «выметания» грехов способствует возникновению особого состояния – катарсиса, когда душа очищается от скверны. Подобное состояние может достигаться в процессе исповеди.

Этот процесс способствует очищению и даёт лирической героине освобождение и возможность оправдаться перед С. Э. Ведь не смотря на измены, в то же время лирическая героиня верна адресату уже тем, что и беспокоится о нём, а главное воспеваеет его.

Подводя итоги, следует отметить, что интерпретируя концепт «рыцарство», М. Цветаева соотносит его со своим авторским мифом о Сергее Эфроне. Мифологизация личности С. Эфрона и отношений, которые связывали супругов, трансформируют традиционный концепт «рыцарство». Историческим слоем концепта «рыцарство» в ментальном мире поэтессы становится культурный феномен рыцарства, порождённый эпохой Средневековья. Определены такие доминанты рыцарства как культурной модели: храбрость, мужество, отвага, скромность, благородство души. При этом М. Цветаева переосмысляет генетический показатель концепта «рыцарство» каким он был в эпоху Средневековья в соответствии со своим авторским мифом. М. Цветаева переосмысляет генетический показатель концепта «рыцарство» каким он был в эпоху Средневековья в соответствии со своим авторским мифом.

Литература

1. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. – М. : ТЕРРА; Книжная лавка – РТР, 1997.
2. Войтехович Р. Марина Цветаева и античность / Р. Войтехович. – М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – 448 с.
3. Кристева Ю. Семиотика : Исследования по семанализу ; [пер. с фр. Э. А. Орловой] / Ю. Кристева. – М. : Академический Проект, 2013. – 285 с.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
5. Маслова В. А. Поэт и культура : концептосфера Марины Цветаевой : [учеб. пособие] / В. А. Маслова. – М. : Наука, Флинта, 2004. – 256 с.
6. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности ; [пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова] / Н. Пьеге-Гро. – М. : ЛКИ, 2008. – 240 с.
7. Руа Ж. Ж. История рыцарства: историческое исследование / Ж. Ж. Руа, Ж. Ф. Мишо. – М. : Эксмо, 2007. – 448 с.

8. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. Степанов // Константы : Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 42–83.
9. Степанов Ю. С. Интертекст, культурный контекст, ноосфера // Теоретико-литературные итоги XX века / [под ред. Ю. Б. Борева]. – Т. 1. : Литературное произведение и художественный процесс. – М. : Наука, 2003. – С. 80–104.
10. Трессидер Дж. Словарь символов [Электронный ресурс] / Дж. Трессидер. – Режим доступа к ист. : http://albooking.net/book_126_glava_335__METLA.html.
11. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М. : КомКнига, 2007. – 280 с.
12. Фокина С. А. Образ творческой личности в лирических циклах М. Цветаевой 1910–1920-х годов : [учеб. пособие]; [гриф МОН] / С. А. Фокина. – Одесса: Астропринт, 2013. – 76 с.
13. Фокина С. А. Легенда о рыцаре Брунсвике в творческом осмыслении А. Ирасека и М. Цветаевой / С. А. Фокина // Слов'янський збірник. – 2014. – Вип. 18. – С. 313–321.
14. Хейзинга Й. Гл. 4 : Рыцарская идея / Й. Хейзинга // Осень средневековья. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 114–130.
15. Хренов Н.А. Культура социального хаоса / Н. А. Хренов. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 448
16. Швейцер В. Быт и Бытие Марины Цветаевой / В. Швейцер. – М. : Интерпринт, 1992. – 544 с.

С. А. Фокина,
канд. філол. наук, доцент
Є. М. Митсва,

магістр, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, м. Одеса, Україна

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ ЛИЦАРСЬКОГО СТАТУСУ АДРЕСАТА ВІРША М. ЦВЕТАЄВОЇ «ХОЧЕШ ЗНАТИ, ЯК ДНІ ПРОХОДЯТЬ...»

У статті представлено прочитання самобутності концепту «лицарство» в смисловій структурі цвєтаєвського поетичного тексту «Хочеш знати, як дні проходять...». Увагу зосереджено на чинниках концептуалізації образу адресата вірша С. Е. – чоловіка Марини Цвєтаєвої Сергія Ефрона. Окрім біографічного контексту, виявлено підтекстові рівні, інтертекстуальні відсилання, діалог із середньовічним уявленням про лицарство. Проаналізовано, що біографічні аспекти, авторський міф поетеси, а також різні культурні, інтертекстуальні та символічні пласти впливають на експлікацію цвєтаєвських кодів у цьому вірші.

Ключові слова: концепт; лицарство; інтертекстуальність; символіка; авторський міф; Сергій Ефрон.

S. A. Fokina,
PhD in Philological sciences, Associate Professor
E. M. Myteva,
Master's Degree student, I. I. Mechnikov Odesa National University, Odesa, Ukraine

CONCEPTUALISATION OF THE KNIGHTLY STATUS OF THE ADDRESSEE OF THE POEM OF M. TSVETAJEVA «YOU WANT TO KNOW HOW DAYS PASS...»

Reading of identity of a concept «knights» in semantic structure of the Tsvetajeva's poetic text «Is presented in article you wants to know how days pass...». The attention is concentrated on factors of conceptualization of an image of the addressee of the poem of S. E. – Marina Tsvetajeva's spouse of Sergej Efron. Besides a biographic context subtext levels, intertextual sendings, dialogue with medieval idea of knights are revealed. It is analysed as biographic aspects, the author's myth of the poetess, and also various cultural, intertekstualny and symbolical layers influence an explication of Tsvetajeva's codes in this poem.

Key words: concept; knights; intertekstualnost; symbolics; author's myth; Sergej Efron.